

ОБ ЭСТЕТИЧЕСКИХ РЕСУРСАХ МОРФОЛОГИИ

© Г.А.Хайрутдинова

Статья посвящена проблеме эстетических ресурсов морфологических единиц. Дана авторская трактовка данного вопроса; представлены результаты анализа персонификации неодушевленных существительных при рассмотрении эстетических возможностей категории рода.

Ключевые слова: эстетические ресурсы, морфологические единицы, категория рода существительных.

Анализ и описание морфологических единиц русского языка, во многом обеспечивающих его национальное своеобразие, остается одной из стержневых проблем современной лингвистики. Если иметь в виду развитие отечественной лингвистики во второй половине XX – начале XXI веков, то благодаря использованию различных подходов к изучению морфологии (системно-структурного, функционального, семантического, когнитивного) произошло значительное расширение научных представлений об объекте исследования. В то же время знакомство с научной литературой позволяет сказать, что не все вопросы, касающиеся изучения морфологических единиц, разработаны в полной мере. С нашей точки зрения, еще не получил глубокого, всестороннего освещения вопрос об эстетических возможностях морфологической подсистемы русского языка. Лишь в ряде работ (А.А.Потебни, Г.Г.Шпета, Г.О.Винокура, В.П.Ковалева, И.А.Ионовой, Я.И.Гина, Л.А.Новикова и др.), ориентированных главным образом на исследование художественной речи, выразительности языковых единиц, поэтики морфологических категорий, сделаны некоторые наблюдения, имеющие отношение к описанию эстетических ресурсов морфологии.

Более обширной является та часть лингвистической литературы, в которой рассматривается эстетика языковых единиц в целом. Однако анализ работ, посвященных данной проблеме, также свидетельствует о том, что она остается недостаточно изученной, дискуссионной. Ее полемический характер во многом обусловлен очевидными различиями в теоретических позициях ученых. При этом некоторые исследователи в рамках предлагаемой концепции выделяют нескольких критериев, на основе которых дается трактовка эстетических возможностей языковых элементов. Так, традиционным можно считать такой подход к решению проблемы, когда эстетика языковых единиц связывается с переживанием прекрасного [1: 115-116; 2: 82-83]. В работах

Р.О.Якобсона обращается внимание на то, что эстетические возможности языковых элементов обусловлены установкой адресанта на выражение, направленностью формы речи на самое себя [3: 274-275]. С точки зрения Г.О.Винокура, Я.И.Гина и Л.А.Новикова, эстетические свойства языковых единиц проявляются в мотивированности их использования [4: 192, 194; 5: 188-189; 6: 78]. Достаточно распространенной следует считать ту позицию исследователей, в соответствии с которой эстетические функции языковых средств определяются их образными возможностями (например, работы Г.О.Винокура, Л.И.Донецких, Л.А.Новикова). По мнению В.П.Ковалева, эстетика языковых единиц обусловлена их художественным преобразованием, трансформацией, усложнением [7: 5-6]. Эмоциональная составляющая при восприятии языковых единиц выделяется Л.А.Новиковым [6: 40-44, 50, 83]. Согласно мнению Л.И.Донецких, эстетическими являются такие свойства языковых элементов, как новизна и неожиданность [8: 26-34]. В соответствии с концепцией В.В.Виноградова, эстетические функции языковых средств характеризуются в связи с анализом различных способов развертывания речи, ее композиционной организации [9: 165-173]. Б.А.Ларин, рассматривая языковые элементы в эстетическом ракурсе, считает необходимым отметить их внедренность в целое высказывание, связь с литературным произведением как целостным объектом [10: 152-156]. С точки зрения В.А.Масловой, на эстетический характер использования языковых средств могут указывать оценка говорящим применяемого им способа выражения, наличие эстетических суждений и оценок [11: 38-39].

Итак, обзор имеющихся в научной литературе работ выявил весьма неоднозначную, пеструю картину мнений по поводу трактовки проблемы эстетических возможностей языковых единиц. Разнообразие теоретических установок, в ряде случаев их расплывчатость свидетельствуют о сложности, многогранности исследуемого явления.

Мы считаем, что при рассмотрении эстетических ресурсов языковых единиц целесообразно придерживаться широкого подхода, предусматривающего ориентацию на категорию эстетического, которая в качестве общей, фундаментальной категории оформилась довольно поздно – лишь в XX веке. В научной литературе обнаруживаются различные интерпретации эстетического. В плане изучения эстетики языковых единиц наиболее логичной представляется теория В.В.Бычкова. Согласно мнению ученого, эстетическое – это метакатегория, по отношению к которой категории прекрасного, возвышенного, трагического и комического выступают в качестве более конкретных ее модификаций. С помощью данной метакатегории обозначается особый духовно-материальный опыт человека, который сводится к специфической системе неутилитарных взаимоотношений субъекта и объекта, в результате чего субъект достигает одной из высших ступеней духовного состояния – катарсиса. Квинтэссенция эстетических отношений сосредоточена в сфере искусства: все художественные языки искусства возникли для реализации эстетического выражения. В то же время не всякое словесное выражение "имеет отношение к эстетическому, но только то, которое соответствует эстетической ситуации, т.е. неутилитарно, бескорыстно, незаинтересованно, имеет целью игру душевных или духовных сил <...>, возводит человека на некие духовные уровни, возбуждает в нем духовное наслаждение, ощущение радости жизни, полноты бытия и органичной собственной сопричастности ему" [12: 154-164].

С нашей точки зрения, изучение эстетики языковых единиц по ряду вопросов имеет отношение к исследованиям по лингвистической прагматике, прежде всего в связи с фактором адресата. В плане анализа языка литературных произведений эстетическими ресурсами обладают те языковые единицы, которые способны оказывать эстетическое воздействие на человека как адресата речи. Сущность эстетического воздействия языка литературного произведения на человека состоит в том, что в процессе чтения он получает духовное наслаждение, т.е. испытывает чувственно-рациональное переживание, главными составляющими которого являются эстетическое удовольствие, игра душевных сил, ощущение радости, полноты бытия. Состояние духовного наслаждения от восприятия художественного текста обусловлено и свойствами самих языковых единиц, и характером их употребления, а именно новизной, образностью, пластичностью, соотносительностью со всем литературным произведением как целостным эстетическим объектом,

способностью наиболее полно и точно воплощать идейно-художественный замысел писателя.

Эстетика языка художественного произведения в своей основе предопределяется эстетическими возможностями языковой системы. В аспекте актуализации эстетических ресурсов морфологии наибольшей значимостью, с нашей точки зрения, обладают следующие факторы: наличие в современном русском языке элементов, характерных для грамматической системы архаичного периода (в склонении имен, в системе классов глаголов, в их спряжении и т.д.); закон асимметрии языкового знака (обнаруживающий себя, в частности, в явлении переходности в системе частей речи); способность грамматической единицы ассоциироваться с рядами других единиц как проявление национального своеобразия языка; антиномии системы и нормы, регулярности и экспрессивности, выступающие в качестве внутренних закономерностей развития языка; образно-эмоциональные, стилистические возможности морфологической подсистемы.

Для подтверждения сказанного обратимся к рассмотрению эстетического потенциала морфологической категории рода существительных. Большая часть собранного нами языкового материала связана с метафорическим использованием существительных в произведениях художественной литературы, например: *"Тут - / вертай ручки: / и каплет / прохладный / дождик-душ..."* (В.Маяковский "Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру"); *"Поезд полз со скоростью дождевого червя... Проклятый червь над каждой шпалой делал остановку, как если бы шпала была станцией"* (С.Кржижановский "Возвращение Мюнхгаузена").

Наиболее значительный по объему пласт эмпирического материала представлен такой разновидностью данного тропа, как олицетворение. Обобщение различных случаев персонификации позволяет сделать вывод, что маскулинизация или феминизация неодушевленных существительных, кроме актуализации отношений контраста или подобия по грамматическому роду, обеспечивается за счет средств художественного контекста, т.е. использования:

- существительных, имеющих в семантической структуре грамматического рода денотативный компонент значения: *"Александр Ааронович <...> любил говорить, что всю свою жизнь предан двум дамам: Белочке и медицине"* (Л.Улицкая "Второго марта того же года");

- собственных имен: *"Что, дремучий лес, / Призадумался, / Грустью темною / Затуманился? / Что, Бова-силач / Заколдованный, / С непо-*

крытою / Головой в бою / Ты стоишь – поник..." (А.Кольцов "Лес");

- слов, характеризующих внешний облик лица мужского или женского пола: "Развалившись по книгам, апрель / Нацепил васильков аксельбанты" (Н.Заболоцкий "Поэма весны");

- признаков лексем (главным образом глаголов, называющих характерные для человека действия и указывающих на определенный аспект взаимоотношений лиц мужского и женского пола): "Мягкий Знак давно и безнадежно влюблен в букву Ш. Он ходит за ней, как тень, из слова в слово, - но все напрасно. Буква Ш терпеть не может букв, от которых никогда не добьешься ни звука" (Ф.Кривин "Мягкий Знак");

- обозначений орудий производства, каких-либо иных слов, отражающих традиционно сложившееся у данного народа разделение "мужского" и "женского" труда: "У окна, опоздавши к спектаклю, / Вяжет выюга из хлопьев чулок" (Б.Пастернак "Мейерхольдам");

- элементов метаязыка лингвистики (как правило, названий родовых граммем): "Но не зря сказывается: женщина – тварь божья, за нее и суд, и кара особые. <...> Прощенья, пощады просишь? От кого? Природа, она, брат, тоже женского рода!" (В.Астафьев "Царь-рыба").

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в процессе наделения неживых предметов свойствами человека характер образа обусловлен не только особенностями морфологической категории рода субстантивов, но и факторами культурно-этнического плана. Рассмотрение этого аспекта проблемы требует обращения к сопоставительному изучению образных систем, характерных для культуры того или иного народа.

Знакомство с поэтическими произведениями русских и татарских авторов позволяет выявить следующую закономерность: земля ассоциируется с образом матери, что обусловлено спецификой архаичной модели мира, которая находит отражение в культуре этих двух народов.

Полярную по отношению к данной традиции образует сфера функционирования русской лексемы *зима* и ее татарского эквивалента *кыш*. Образные коннотации этих слов в русской и татарской лирике имеют существенные различия. Ввиду принадлежности русского существительного *зима* к женскому роду, это время года обычно изображается в образе женщины (*боярыня, волшебница, красавица, мать, матушка, молодка, пирожница, старуха, сударка, хозяйка, чародейка, щеголиха* и т.д.). Приведем в качестве примера фрагмент художественного текста: "**Зима-красавица, и в звездах небо козье / Рассыпалось и молоком горит...**" (О.Мандельштам "Кто

время целовал в измученное темя..."). Иные образные ассоциации, связанные с этим существительным и его значением, достаточно редки.

В татарской поэтической традиции *кыш* (татарский эквивалент лексемы *зима*) обычно предстает в образе мужчины, чаще всего в облике старика: *кыш-бабай (зима-дедушка), аксакал кыш (зима-аксакал)*. Например: "Кит эле син, аксакал кыш! / Күр, энә таудан туры / Тәгәридер ул матур кыз – / Язның алтын фәйтуны" (Г.Тукай "Кышка бер сүз"). Перевод этого стихотворения на русский язык осуществлен А.Ахматовой. Будучи тонким знатоком русского языка, Анна Андреевна, очевидно, считала, что изображение зимы в образе аксакала, учитывая особенности мифопоэтического сознания русских читателей, будет эстетически неоправданным. Поэтому в переводе происходит смена денотата: стихотворение начинается с обращения не к зиме, а к белобородому морозу (который близок к русским мифопоэтическим образам Деда-Мороза, Морозки): "Сгинь, мороз белобородый! Видишь, прямо с горки той / Катится весна-царица к нам в коляске золотой! / Торопись исчезнуть, старый, убегай же поскорей! / Не видать тебе пощады от владычицы полей" [Г.Тукай. "Слово к зиме" (По А.Майкову). Перевод А.Ахматовой].

Таким образом, результаты проведенного исследования опровергают доводы некоторых ученых о том, что большая часть морфологических средств русского языка не имеет самостоятельного эстетического значения и используется лишь для придания речи минимальной упорядоченности. Нами доказано: единицы морфологии обладают немалыми эстетическими ресурсами, что позволяет использовать их не только как строевые элементы текста, но и в качестве языковых средств, участвующих в формировании идейно-тематической основы, образности и композиции литературного произведения.

1. Ефимов А.И. Стилистика художественной речи. – М.: Москов. гос. ун-т, 1961. – 519 с.
2. Лаврова Н.Н. О термине "эстетический синтаксис" // Термин и слово. – Н.Новгород: Нижегород. гос. ун-т, 1997. – С.81-86.
3. Якобсон Р.О. Новейшая русская поэзия // Якобсон Р.О. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М.Л.Гаспарова. – М.: Прогресс, 1987. – С.272-316.
4. Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С.178-201.

5. Гин Я.И. Внутренняя форма языка и формирование эстетической культуры человека // Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. – СПб.: Академич. проект, 1996. – С.188-191.
6. Новиков Л.А. Значение эстетического знака // Избр. тр.: в 2 т. – М.: РУДН, 2001. – Т.П: Эстетические аспекты языка. Miscellanea. – С.78-87.
7. Ковалев В.П. Выразительные средства художественной речи. – Киев: Рад. шк., 1985. – 136 с.
8. Донецких Л.И. Эстетические функции слова. – Кишинев: Штиинца, 1982. – 154 с.
9. Виноградов В.В. К построению теории поэтического языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С.163-177.
10. Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи (Семантические этюды) // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П.Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С.149-162.
11. Маслова В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста. – Минск: Высш. шк., 1997. – 156 с.
12. Бычков В.В. Эстетика. – М.: Гардарики, 2004. – 556 с.

ON THE AESTHETIC RESOURCES OF MORPHOLOGY

G.A.Khairytdinova

The article is devoted to the problem of aesthetic resources of morphological units. The author's interpretation of the problem is presented; the results of the analysis of personification of inanimate nouns when investigating aesthetic possibilities of category of gender are given.

Key words: aesthetic resources, morphological units, category of gender of the noun.

* * * * *

Хайрутдинова Гульшат Ахматхановна – доктор филологических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Института филологии и искусств Казанского (Приволжского) федерального университета.

E-mail: Kgulshat@yandex.ru

Поступила в редакцию 29.03.2011